

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСЕМ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРИЗНАК ЦВЕТА,
В МАНЬЧЖУРСКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ**

Соответствия в лексике тунгусо-маньчжурской и монгольской языковых групп представляют известный интерес в алтайском языкознании, их исследованию посвящены многочисленные публикации. Часть этих соответствий специалисты относят к общеалтайскому корпусу лексики, который, вероятно, указывает на общее генетическое родство этих языков. Часть же лексики, имеющей схождения в алтайских языках, является заимствованиями, проникшими в исследуемые языки в результате длительных контактов. Однако в данном случае будут рассматриваться соответствия, которые могут позволить реконструировать фонетический облик слова, и то, что слово является общим для всех языков алтайской семьи или заимствованием, не влияет на реконструкцию. Исходя из приведенных данных и установленных регулярных фонетических соответствий в различных позициях, можно привести ряд примеров, позволяющих восстановить некоторые фонемы и их качественные характеристики. Данный тезис можно проследить на примерах, приведенных ниже, где признаки 'белый', 'красный', 'зеленый', а также 'светлый-чистый' в маньчжурском и монгольском языках не отличаются ни по своей морфологии, ни по семантической структуре. Более того, как для тунгусо-маньчжурских, так и для монгольских языков в приведенных словах выделяется общая корневая морфема. Также в данной работе рассматриваются не только звуковые соответствия в корнях, но и в тождественном словообразовательном суффиксе, который, вероятно, является общим для передачи значения в этих двух языках. Однако в некоторых языках северной и южной подгрупп тунгусо-

маньчжурской языковой семьи произошло разрушение некогда продуктивного аффикса, но наиболее хорошо он сохранился в маньчжурском и монгольских языках. Так, ряд общих маньчжуро-монгольских параллелей лексем, в аффиксах которых, очевидно, гласный в пратунгусо-маньчжурско-монгольском языке восходит к долготому, находит подтверждение в маньчжурском языке. Для монгольского языка в аффиксе *-γan/gen* Н.Н. Поппе восстанавливает первоначальную долгую гласную *-γan/gen < *kān/ken* [VGAS:13]. Материал письменного маньчжурского языка позволяет восстановить архаичную форму, очевидно, в виде *-γiyan*, которая является составной и, в свою очередь, членится на *-γiyan*, ср. ма. *suva-yan* 'желтый', чж. *sò-kiāng* 'id.'; ма. *šaŋ-giyan* 'белый', *šan-yan* 'id.'

Для обозначения указанных цветов используется следующая лексика:

Эвен. н'ōнта- получать синяк; синеть (о синяке); н'ōнтаңи синяк; шишка; *Ороч.* н'ūгза голубой, синий; зеленый; *Уд.* н'оғзо синяк; синий; н'олиуи зеленый, синий, голубой; н'оло зеленоватый, синеватый, голубоватый; *Ульч.* н'оғзо(н-) 'id.'; *Орок.* н'ōғдо 'id.'; *Нан.* н'оңғиā 'id.'; *Ма.* н'оваңган зеленый; зелень (трав); *Чж.* niōŋ-gian голубой [ТМС I: 601-603; Мудрак 137].

Во всех приведенных примерах сохраняется корневая морфема, таким образом, для пратунгусо-маньчжурского языка необходимо восстанавливать форму в виде **ńōñ-γiyan*, т.к. палатализованный инлаутный *ń* устойчиво сохраняется в тунгусо-маньчжурских языках, хотя приобретает заднеязычность перед ныне малопродуктивным аффиксом прилагательных *-γiyan* [Benzing: 90]. В монгольских языках имеются параллели: *ср.-мо.* поуāн зеленый; *п.-мо.* поуоуа(н) ~ поуиуа(н) зелень, трава; зеленый; *монг.* ногоо(н); *бур.* ногоо(н); *калм.* ноhān 'id'. Таким образом, для прамонгольского языка восстанавливается палатализованный *ń* в середине слова, который исчезает и дает различные рефлексy (более подробно о рефлексax *ń* в алтайских языках см. EDAL: 62), поскольку согласно правилам, установленным И.А. Грунтовым [EDAL: 62, 75], инлаутный *ń* в монгольских языках подвергается веллярной ассимиляции. Кроме того, в данном слове необходимо реконструировать аффикс *-γan* с долготой в монгольских языках, т.к. на это указывают данные письменного маньчжурского языка. Развитие, очевидно, происходило следующим образом: **ńōñ- > *ńōñ-giyan > *ноуо-γān > *ноуо-γan > поуōп ~ поуāп*. Но

первоначальная долгота, как было сказано выше, не сохраняется в монгольских языках (См. также [Санжеев: 674; VGAS: 38, 139; EDAL: 875]).

В другом примере по аналогичной же модели образованы названия, обозначающие красный цвет, для которых также характерна общая корневая морфема. Но в амурской подгруппе тунгусо-маньчжурских языков (нанайском, ульчском, орокском, орочском) для передачи этого понятия используют другую корневую основу (сэ ~ сō ~ сū).

Эвенк. **хулама** красный; *Сол.* **үлү**; *Эвен.* **хүлан'а**; *Нег.* **холајин** [*хуларин] 'id'; *Ороч.* **холумукта** виноград (дикий); *Уд.* **хулалиги** красный; *Нег.* **фолгæ**: ~ **форгæ**; *Ма.* **фулган**; *Чж.* **fula-gian** 'id' [ТМС II: 343; Мудрак 135].

В письменном маньчжурском данное слово пишется как **ful-γiyan**. Данная лексема находит параллели в монгольских языках: *ср.-мо.* **hula'an** 'красный'; *п.-мо.* **ulayan**; *монг.* **улаан**; *бур.* **улаан**; *калм.* **улāн**; *орд.* **ulān**; *мог.* **ulōn**; *даг.* **xulāŋ** ~ **ulāŋ**; *бао.* **felen, fulan**; *ш.-югр.* **lān**; *монгр.* **fulān**. Н.Н. Поппе в данном слове в аффиксе **γān** также восстанавливает долготу *ср.-мо.* **hula'an** < ***pulayān** [IMCS: 31, 61, 88, 97]. См. также: Ramstedt: 206; АКЕ: 14; EAS: 53; KW: 448; Ligeti: 238, 240; АЭ: 54; Старостин: 40, 291.

Лексему со значением **geŋ-giyen** «светлый, чистый» в маньчжурском языке также позволяет восстановить аффикс **-giyen** с последующей палатализацией заднеязычного согласного «g» в маньчжурском языке.

Ульч. **гэгэ(н-)** чистый, прозрачный (о воде); ясный (о небе); **гэцхунэ** чисто; *Орок.* **гэгдэ(н-)** чистый, прозрачный; **гэгдэнзи** чисто, опрятно; *Нан.* **гэңгиэ** (**гэңги(н-)** ~ **гэңг'э(н-)**, **гэңг'э**) чистый, прозрачный; *Ма.* **гэңг'эн** чистый, светлый, ясный; умный, разумный; *Чж.* **ken-kien** ясный, светлый [ТМС I: 177].

Данное слово имеет лексико-семантические параллели в монгольских языках: *п.-мо.* **gegegen** 'свет; светлость; святой', *мо.* **гэгээ(н)**, *калм.* **гегээн** 'id.'. Сопоставление приведенных вариантов форм показывает, что наиболее архаичная форма может быть обнаружена в тунгусо-маньчжурских языках, или, говоря точнее, в маньчжурском в виде ***gengiyen**.

Для обозначения белого цвета в большинстве тунгусо-маньчжурских языков распространено, очевидно, общеалтайское слово ***сai-γiyan**: *Эвенк.* **чалбан** береза; жость; **чаркй-** побелеть; *Сол.* **сāлбā** ~ **цāлбā** (**чалбāн**) береза; **чиБā, чиБāн** белый; *Эвен.*

чялбан береза; *Нег.* чялбан береза; *Ороч.* чяба ~ чябба(н) [**чалбан*] береза; чягза белый; *Уд.* чалиги, чам биз белый; *чафакт'ан* березняк (*мелкий*); *Ульч.* чягза(н-) белый; *Орок.* тагда белый; белизна; снежная пора зайца; тагдадума белый; *Нан.* чягза белый; *Ма.* шанжан белый; *Чж.* šang-kiang белый.

Данное слово имеет параллели в других алтайских языках: *ср.-мо.* šaγān белый; *п.-мо.* šaγan; *монг.* цагаан; *бур.* сагаа(н) 'id'; *др-тюрк.* šaqiq сивый, пепельно-серый; *як.* нјялбāн ~ žялбāн ~ чялбāн жесть; *чакырыас* ~ *чаккырыас* ~ *чокуруос* белый, белоглазый; *туркм.* чял седой; напиток из верблюжьего молока.

Производная морфема **čan* 'белый' в тунгусо-маньчжурских языках представлена не равномерно, так, в северной подгруппе с представлением о белом цвете связано название березы или ее коры, причем в составе этого наименования корневая морфема осложнена элементом *-l-*, образуя морфему **čāl-*.

Интересно отметить, что в лексике, приведенной выше, обнаруживаются рефлексы протоалтайского **ŋ* в середине слова, которые надежно реконструируются на материале маньчжурского языка. Сопоставление тунгусо-маньчжурского *ŋ* и в частности маньчжурского *п* (<**ŋ*), и монгольского *γ* позволяет уточнить некоторые этимологии. Стоит отметить, что в маньчжурском языке этот заднеязычный согласный отражается также как *ŋ*, однако, находясь перед другими согласными, не заднеязычными, этот согласный в маньчжурском отражается как *п*, а перед заднеязычными согласными становится более задним.

Кроме того, необходимо сказать, что в маньчжурском языке происходит потеря гласного в середине слова в открытом слоге, например: *ма.* šangiyān 'белый' < **šaŋa-giyan*; *ма.* geŋgiyen 'ясный, светлый' < **geŋgiyen*; *ноngiyan* < **nōŋa-giyan*; *fulgian* < **fula-gian* и т.д. Об этом писал И. Бенцинг, который отметил, что на стыке морфем в маньчжурском языке гласные исчезают [Benzing: 19], чему служат подтверждением приведенные выше примеры.

Таким образом, были проанализированы четыре корневых морфемы, связанные в алтайских языках с обозначением цвета 'белый', 'красный', 'зеленый', а также со значением 'светлый - чистый'. При этом можно отметить, что во всех приведенных примерах надежно реконструируется корневая морфема; также на материале маньчжурского, монгольского и ряда южных тунгусо-маньчжурских языков реконструируется в полной мере словообразовательный аффикс. Кроме того, приведенные примеры

позволяют удачно восстановить в корне сонорный палатализованный -*й-, который имеет различные соответствия в алтайских языках: -п- в тунгусо-маньчжурских языках; интервокальному согласному -y/g- в монгольских; и, частично, -y- (<*g) в тюркских [Ramstedt: 117-120, 164-165; VGAS: 72-73; Benzing: 37].

Языки:

бао. баоаньский
бур. бурятский
даг. дагурский
др.-тюрк. древне-тюркский
калм. калмыцкий
ма. маньчжурский
мо. монгольские
мог. могольский
монг. монгольский
монгр. монгорский
нан. нанайский
нег. негиадльский
орок. орокский
ороч. ороцкий
п.-мо. письменный монгольский
пал. праалтайский
сол. солонский
ср.-мо. средне-монгольский
тм. тунгусо-маньчжурские
тув. тувинский
тю. тюркские
уд. удэйский
ульч. ульчский
чж. чжурчжэнский
чув. чувашский
ш.-уйгр. шира-уйгурский
эвен. эвенский
эвенк. эвенкийский
як. якутский

Литература

1. Цинциус В.И. Этимологии алтайских лексем с анлаутными придыхательными смычными губно-губным "п" и заднеязычным "к" // Алтайские этимологии. Л., 1984.
2. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
3. Мудрак О.А. К вопросу о чжурчженской фонетике // Языки Азии и Африки: Фонетика. Лексикология. Грамматика. М., 1985.
4. Поппе Н.Н. Монгольские числительные // Языковедные проблемы по числительным. Сб. статей. Л., 1927.
5. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
6. Санжеев Г.Д. Маньчжурско-монгольские языковые параллели. ДАН, 1930, № 8-9.
7. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
8. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I-III. М., 1975-1977.
9. Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
10. Ramstedt G.I. Additional of Korean Etymologies. Helsinki, 1954.
11. Benzing J. Die tungusischen Sprache: Versush einer vergleichende Grammatik. Wiesbaden, 1956.
12. Ramstedt G.I. Einfurung in die altaische Schpachwissenschaft. Helsinki, 1957.
13. Starostin S.A., Dybo A.V, Mudrak O.A. An Etimological dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2002.
14. Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955.
15. Ramstedt G.I. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1976.
16. Ligeti L. Les anciens elements mongols dans le mandchou//AO. Budapest, 1960. T.X, facs. 3.
17. Poppe N. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960.
18. Poppe N. The Primary Long Vowels in Mongolian // Journal de la societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1962.
19. Ramstedt G.I. Studies in Korean Etymologies. Helsinki, 1949.